

УДК 340.15:347.191.4

М. Р. Аракелян

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Вопросы профессионального представительства в различных видах судопроизводства (гражданском, административном, уголовном и конституционном) приобретают значительную актуальность в современной Украине. Это обусловлено многими причинами, важнейшими среди которых являются активизация правовой жизни общества, расширение сферы гражданско-правовых отношений, развитие частного предпринимательства, реализация функции судебной защиты прав человека и т.д. Усложнение системы права и правовых отношений требует обеспечения квалифицированной юридической помощи каждому, кто в ней нуждается, что признано одним из важных конституционных принципов (ст. 59 Конституции Украины).

Под судебным представительством выдающийся исследователь конца XIX века Е. В. Васьковский понимал «замену тяжущегося в процессе другим лицом, при которой все последствия судебной деятельности представителя падали на тяжущегося» [1, с. 1].

В настоящее время в юридической литературе судебное представительство определяется как «вид деятельности лица, участвующего в процессуальных правоотношениях с целью оказания юридической помощи представляемому участнику процесса, защиты, его прав и законных интересов в пределах полномочий, предоставленных ему соответствующей отраслью процессуального законодательства или процессуальных правил, включенных в отрасли материального права, согласуемых в необходимых случаях с представляемым» [2, с. 11]. Эта деятельность может осуществляться как представителем самостоятельно, так и совместно с представляемым. Представительство в суде, осуществляемое адвокатом, есть профессиональное судебное представительство.

По своей идее судебное представительство не требовало специального юридического образования и какой-либо организации. Необходимость

в организации возникла только тогда, когда оно стало профессиональным занятием особой категории лиц. Возникновение правозаступничества было вызвано жизненной потребностью, когда с развитием общественных отношений юридические нормы усложнялись, их знание и применение становилось затруднительным для большинства населения. Тяжущиеся, не обладавшие специальной подготовкой, не были способны вести свои дела самостоятельно и нуждались в помощи профессионала — знатока гражданского и уголовного процесса.

Первые упоминания об институте судебного представительства мы находим в законодательных сборниках времен Киевской Руси. В частности, по Псковской судной грамоте иметь поверенных лиц могли не все, а только женщины, дети, монахи и монахини, дряхлые старики и глухие [3, с. 321]. Напротив, Новгородская судная грамота позволяет иметь поверенных лиц всем. Обязанности поверенных исполняли, во-первых, родственники тяжущихся, во-вторых, все правоспособные граждане, за исключением тех, кто состоял на службе.

В юридической литературе сложилось мнение, что судебное представительство представляло собой древнейший и в тоже время общечеловеческий институт, то есть, что оно существовало во все времена и у всех народов [1, с. 5]. Некоторые авторы предписывали ему Божественное происхождение, так как адвокатская профессия восходила к Божественному Слову, которое защищало перед Господом потомство Авраама, скорее несчастное, чем виновное. Чтобы ответить на вопрос о происхождении судебного представительства, необходимо, прежде всего, выяснить: что представляло само по себе право на защиту и какие условия были нужны для того, чтобы оно могло выступать среди правовых учреждений в качестве общественного института. По мнению одних историков права, происхождение профессии защитника относилось, по всей вероятности, к первому процессу и первому судилищу. Исходя из этого, предполагалось, что право защиты следует искать во все времена, во всех странах и у всех народов. Опровергавшие эту точку зрения ученые, считали, что право защиты не могло существовать на почве деспотизма [1, с. 5]. Другие ученые, например Цицерон, Гуго Гроций, Гоббс, придерживались мнения, что судебная защита являлась естественным правом человека и основывалась на естественной необходимости личной защиты. Самозащита, а в последствии и охрана близких людей (сородичей и соплеменников) являлась древнейшим, биологически обусловленным занятием людей.

Таким образом, судебное представительство как профессиональная защита появилось с образованием ранней цивилизации: когда сильный оказывал помощь слабому — сначала ради собственного удовольствия или интереса, а уже потом за деньги для всех желающих.

В различные исторические периоды лиц, осуществляющих судебное представительство, называли по-разному: патронами, прокураторами, меценатами, юристами, стряпчими, поверенными, ходатаями, акторами.

Традиционным является подход, рассматривающий судебное представительство как организацию, оказывающую квалифицированную юридическую помощь. Однако необходимо отметить, что в средние века судебное представительство было свободной профессией, не связанной организационно-корпоративными обязательствами. В разные исторические периоды сфера деятельности судебных представителей была различной. В древние времена, когда уголовный процесс не отделялся от гражданского, их участие допускалось в делах обоюбого рода. После того как судопроизводство начало делиться на две формы — гражданскую и уголовную, роль судебных представителей стала меняться. Уголовный процесс теперь составляли стадии, состязательный суд и следственный розыск привел к тому, что границы розыска расширились и он постепенно оттеснил обвинительный процесс на второй план. К участию в розыском процессе судебные представители не допускались.

Впервые организационное оформление и законодательное закрепление судебного представительства на украинских землях произошло в Великом княжестве Литовском и проявилось в городах с магдебургским правом.

Судебный процесс в таких городах сложился на принципах магдебургского права: он был устным, гласным и состязательным. Устность и состязательность судебного процесса открывали широкий доступ к нему судебных представителей — прокураторов.

По магдебургскому праву прокураторы должны были отвечать определенным требованиям. Запрещено было заниматься прокураторской деятельностью умственно отсталым, несовершеннолетним (до 21 года), священникам, еретикам, евреям, людям, которые отбывали наказание. Сурово наказывался прокуратор в том случае, когда он пренебрегал своими обязанностями или обманывал своего доверителя. За переход к защите противной стороны после начала судебного рассмотрения дела прокуратору отрезали язык. За проигранное из-за нерадивости дело он обязан был возместить понесенные убытки, если отказывался — его бросали в тюрьму [4, с. 240]. Если же прокуратор не мог по уважительным причинам прибыть на суд, он должен был уведомить об этом всех участников процесса: своего клиента, судей и противоположную сторону. В противном случае он должен был компенсировать все убытки, нанесенные сторонам, и подлежал наказанию розгами у городского столба, после чего его изгоняли из города [5, с. 202–203].

В городах с магдебургским правом услуги прокураторов (пленипотариев, как их еще называли) оплачивались по определенной таксе: клиент платил им 4 деньги в день [5, с. 202]. Судебное представительство в украинских городах с магдебургским правом было организовано по четко определенной системе. Юристы того времени считали его необходимым институтом правосудия.

Следовательно, можно считать, что судебное представительство заложило основы института адвокатуры и что адвокатура как профессия изначально начала формироваться в городах с магдебургским правом.

Однако первую попытку упорядочить дело судебной защиты и четко выделить адвокатскую деятельность как профессию сделали Статуты Великого княжества Литовского.

Как и в городских судах с магдебургским правом в земских судах также существовал институт адвокатуры. И вот здесь мы отмечаем, что в отличие от адвокатуры, которая образовалась на почве магдебургского права, адвокатура, которую претворили в жизнь Статуты Великого княжества Литовского, возникла не как правозащитный институт, а как судебное представительство. Замена обычного права писаным сделала невозможным для неопытных людей ведение дел в судах. Нужны были услуги тех, кто хорошо разбирался в законах. В начале XVI в. представителями потерпевших в суде преимущественно выступали писари, которые имели практический правовой опыт. Также доверенными лицами, которые посылались в суды, могли быть бояре, купцы, родственники, приятели и другие [6, с. 33]. Практика ведения чужих дел в суде была достаточно распространенной, но адвокатура еще не становится профессиональной, хотя и попадались случаи представительства в суде за вознаграждение. Первыми допустили представительство в судебном процессе земские суды. Ведение дела могло поручаться доверенному лицу — речнику или прокуратору.

Появление профессиональных судебных представителей в украинских судах связано с принятием Статута Великого княжества Литовского 1529 года. В арт. 8 и 9 разд. VI содержатся правовые нормы, позволяющие замещать в суде стороны, которые будут судиться (как правило, одну из них) [7]. Арт. 8 устанавливает ответственность такого заместителя перед судом — если ведение судебного дела перебирает другое лицо, то и судебный приговор будет направлен на него, а ответчик полностью освобождается от любой ответственности по этому делу: «...если бы какой-либо человек заменил другого в суде по какому-либо делу, то он будет обязан сам за него отвечать, а привлеченный по делу ответчик будет освобожден от явки... в суд». Но все же ответчик хотя бы один раз должен был появиться в суде, поскольку его заместитель «...не должен выступать в суде до тех пор, пока его доверитель не появится лично и не поручит ему дело в суде». Исключением могла быть только болезнь доверителя. В этом случае он «...должен был дать ему [заместителю] поручение со своей печатью». Согласно Статуту 1529 года выступление в суде на основании фальсифицированного поручения влекло за собой недействительность судебного решения. Если же в судебном заседании выяснялось, что ответчик не поручал вести дело в суде заместителю, а тот «это сделал умышленно и проиграл чужое дело ...тогда снова должно состояться судебное разбирательство». Если на таком судебном заседании факт фальсификации поручения был доказан, то виновного «должно быть наказано как поддельвателя ни чем иным, а только сожжением на костре» (арт. 8, разд. VI).

Продолжением арт. 8 является арт. 9, который исключает из числа

доверенных лиц иностранцев: «...никакой чужестранец не может быть прокуратором ни перед нами, господарем, ни в земском суде, но только тот, кто имеет недвижимость в Великом княжестве Литовском». В арт. 8 термин «прокуратор» не упоминается. Возникает вопрос, есть ли разница между доверенными лицами, о которых говорит арт. 8, и прокураторами по арт. 9 Статута 1529 года. В законодательстве средневековой Европы термин «прокуратор» был достаточно распространенным. Под ним понималось именно доверенное лицо, которому поручалось ведение дела одной из сторон, которые судились. В таком значении этот термин употребляется и в Статуте 1529 года. Однако как судебная практика, так и содержание арт. 8 показывают, что для литовско-русского права это еще достаточно новое явление. Отсутствует четкая граница между «заместителем» (арт. 8) и «прокуратором» (арт. 9). Только при тщательном анализе указанных артикулов и судебных дел можно усмотреть эту границу: услугами первого пользовались родственники, больные и немощные люди, услугами второго — зажиточные шляхтичи. Такая нечеткость в регламентации правового статуса прокуратора не определяла и его ответственности за проигранное дело. Однако эта ответственность прослеживается в запрещении быть прокуратором лицу, которое не имеет оседлости, то есть земельных владений в Великом княжестве Литовском, и с которого, в случае проигрыша дела, нечего взыскать. Эта норма и дает основание говорить о прокураторе как специалисте, для которого заместительство стало профессией и услуги которого стали оплатными, то есть идет речь об адвокате в современном его понимании. Большинство исследователей литовско-русского права допускают ошибку, когда отождествляют прокуратора с адвокатом [см., например: 8, с. 51; 9, с. 110—115]. На самом же деле во времена, которые исследуются, термин «адвокат» имел совсем другое значение. Как уже указывалось, он сложился в городах с магдебургским правом и дословно переводился как «войт», наместник. Именно в этом значении он и использовался в Великом княжестве Литовском и в других странах Европы [10, с. 378].

Последующее развитие институт судебного представительства получил в Статутах Великого княжества Литовского 1566 и 1588 годов, где ему посвящено значительно больше артикулов: во II Статуте — арт. 31—37 разд. IV, в III Статуте — арт. 55—61 разд. VI [11; 12]. В Статуте 1566 года четко разграничиваются заместитель как уполномоченный ответчика и прокуратор как адвокат. Статут устанавливает, что сторона и представитель стороны равны в правах. Тем лицам, которые недостаточно осведомлены в вопросах права, предоставляется право поручить ведение своего дела прокуратору. Суд должен дать прокуратора тем, кто «...не будучи в состоянии сам вести дело свое в суде и не умея молвить, прокуратора требовал; тогда суд должен ему из врыда прокуратора дать и приказать прокуратору от его имени молвить и дело его вести» (арт. 33). Статут называет и другие случаи, в которых суд должен был

предоставить стороне прокуратора. В частности, суд обязан был «...за оскорбление достоинства нашего господарского ...прокуратора обвиняемой стороне дать». Кроме того, прокуратор предоставлялся тем, кто не имел возможности его нанять. К таким относились сироты, вдовы, которые остались без наследства, все те, кто «...убожеством своим прокуратора иметь и сами дела свои за несостоятельностью своей в суде вести не могли» (арт. 33). Что интересно, так это то, что суд, предоставляя этим категориям лиц прокуратора, обязывал его «даром молвить», то есть предоставлял бесплатные услуги прокуратора тем, кто не имел средств для найма защитника. Прокуратор не имел права отказаться от защиты такого лица под угрозой запрета заниматься представительской деятельностью.

Артикул 54 разд. VI Статута 1588 года разрешает представительство как в гражданских, так и в уголовных делах. Следует отметить, что эта норма нарушает принцип личной ответственности, который провозглашается арт. 18 разд. II этого же Статута: «...каждый сам за свое преступление должен терпеть и наказанным быть».

Артикул 34 разд. IV Статута 1566 года и арт. 58 разд. IV Статута 1588 года открывают ряд норм, посвященных требованиям, которым должен был отвечать прокуратор. У них перечисляются его профессиональные и человеческие качества, определяются основы адвокатской этики, ответственность за ведение дела. Как и арт. 34, арт. 58 запретил членам судебных врядов заниматься адвокатской деятельностью в своих судебных уездах, уточнив, что в других судах они могут выступать как прокураторы. Прокураторами не могли быть «судья, подсудок и писарь, так и те, кто только духовные имения держат» (арт. 34). Духовные лица быть прокураторами также не могли, а «только по своему собственному делу каждому из них разрешено будет в суде отвечать» (арт. 58). Определялись и моральные качества прокуратора. Из документов судебной практики того времени видно, что прокураторами не могли быть люди неосмотрительного поведения, лица, которые были пойманы на месте преступления, или записанные в книгах «Злодейских поволаний», или платили раньше когда-либо за «злодейство», или откупались от казни. Они должны быть «не воры, не плуты, не ябетники, ни корыстовники» [2, с. 53].

Начиная с норм Статута 1529 года, полномочия прокуратора утверждались на судебном заседании при обязательном присутствии на нем ответчика, который устно должен был подтвердить, что он передает ведение своего дела прокуратору. Полномочия прокуратора могли утверждать также «в канцелярии нашей, господарской, или перед врядом земским и гродским, и с того вряда выписка из книг должна взята быть и ее потом прокуратору своему дать, и за таким врядовым свидетельством могут быть прокураторами и неоседлые люди» (арт. 56 разд. IV Статута 1588 года). В случае же болезни ответчика и его невозможности лично засвидетельствовать в суде полномочия прокуратора последний

получал поручительное письмо. Их предоставляли как государственные органы (например, Паны-Рада), так и физические лица.

На судебном заседании прокуратор объявлял, что ему поручено вести чье-то дело, и предъявлял поручительное письмо, которое давало право на выступление в суде: «от господина подкоморого стал господин Юрий Сирутевич и напервей показал лист его под печатью его, в котором пишет господин подкоморый, давая ему моц зуполную статью за себя в праве и отказывати»; «А сам владыка Иосифь перед нами очевисте не стоял, а речь свою поручил от себя молвить писарю нашему Ивашке Сопезе» [13, № 94, 64].

Оформление поручительного письма должно было отвечать определенным требованиям. Поручительные письма выдавались «с печатью и с подписью руки своей собственной» (арт. 56). Несоблюдение формы лишало поручительное письмо юридической силы. В книге Кременецкого земского суда от 13 января 1571 г. имеется запись об освобождении от явки в суд князя Константина Вишневецкого в деле с панами Челганскими через неправомочие уполномоченного госпожи Челганской [14].

Нарушение прокуратором своих обязанностей (неправильное ведение дела, измена интересам стороны, которая нанимала его и тому подобное) сурово каралось: «...такий, если есть шляхтич, честь теряет, а не шляхтич — жизнь теряет» (арт. 35 разд. IV Статута 1566 года). Статут 1588 года усилил наказание для прокураторов-шляхтичей — они также карались смертью (арт. 59 разд. VI). Подделка вышеупомянутых поручительных писем также каралась смертью: «...если бы кто-нибудь, предпочитая кому-то вред нанести, и прокуратор это совершил и письма от него с печатью его произвел [подработал], а того бы ему сторона не поручала, и через то что-то потеряла...тот прокуратор, кто бы то совершил, никак иначе, только смертью должен быть наказуем» (арт. 36 разд. IV Статута 1566 года).

Сторона могла отказаться от услуг судебного представителя или заменить его другим на любой стадии процесса: «А кто бы то же, стоя перед судом, хотел устранить прокуратора и сам дело свою вести, или другому прокуратору дело свою поручить; то ему свободно будет» (арт. 36 разд. IV Статута 1566 года).

В результате злоупотреблений прокураторов своими полномочиями, сословия сейма просили Господаря упразднить этот институт в судах Великого княжества Литовского. По этой просьбе Господарь ответил, что привлечение прокуратора к судебному разбирательству — дело частное и добровольное, и если никто не будет нанимать прокураторов, то этот институт исчезнет сам собой [15, с. 347].

Следовательно, приходим к выводу, что невзирая на определенные недостатки, институт судебного представительства крепко укоренился в судебном процессе и стал обязательным фактором демократизации судебной системы на украинских землях в XIV—XVI вв., который в итоге привел к образованию института адвокатуры.

Л и т е р а т у р а

1. Васьковский Е. В. Организация адвокатуры / *Е. В. Васьковский*. — С.Пб., 1893.
2. Тарло Е. Г. Проблемы профессионального представительства в судопроизводстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09; 12.00.11 / *Е. Г. Тарло*. — М., 2004.
3. Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — М., 1984.
4. Слабченко М. Судівництво на Україні XVII—XVIII ст. / *М. Слабченко*. — Х., 1919.
5. Василенко М. Матеріали до історії українського права. В 2 т. Т. 1 / *М. Василенко*. — К., 1929.
6. Борисенко С. Утворення професійної адвокатури в Литовсько-Руській державі / *С. Борисенко*. — К., 1927.
7. Статути Великого князівства Литовського. У 3 т. Т. 1. Статут Великого князівства Литовського 1529 року / за ред. С. В. Ківалова, П. П. Музиченка, А. І. Панькова. — О. : Юрид. л-ра, 2002.
8. Юхо И. А. Основные черты судоустройства и судопроизводства по Статуту Великого княжества Литовского 1529 года / *И. А. Юхо* // Первый Литовский статут 1529 года : материалы респ. науч. конф. — Вильнюс, 1982.
9. Музиченко П. П. Інститут адвокатури в джерелах права українських земель XIV—XVI ст. / *П. П. Музиченко* // Актуальні проблеми держави та права : зб. наук. пр. — О., 1999. — Вип. 6, ч. 1.
10. Лазутка С. Первый Литовский Статут (1529 г.) / *С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс*. — Вильнюс, 2004.
11. Статути Великого князівства Литовського. У 3 т. Т. 2. Статут Великого князівства Литовського 1566 року / за ред. С. В. Ківалова, П. П. Музиченка, А. І. Панькова. — О. : Юрид. л-ра, 2003.
12. Статути Великого князівства Литовського. У 3 т. Т. 3. Статут Великого князівства Литовського 1588 року. У 2 кн. Кн. 2 / за ред. С. В. Ківалова, П. П. Музиченка, А. І. Панькова. — О. : Юрид. л-ра, 2004.
13. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XVIII. — Вильна, 1891.
14. Кременецький земський суд. Описи актових книг. Вип. 1. Кн. 1—11. — К., 1959. — Док. № 53, арк. 68.
15. Максимейко Н. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. / *Н. Максимейко*. — Х., 1902.

А н о т а ц і я

Аракелян М. Р. Розвиток інституту судового представництва у Великому князівстві Литовському. — Стаття.

Стаття присвячена проблемі становлення та розвитку інституту судового представництва у Великому князівстві Литовському, складовими частинами якого були українські землі. Розглядаються повноваження судового представника, його обов'язки, вимоги до особи, яка займала цю посаду. Визначається місце судового представника у судовому процесі.

Ключові слова: інститут судового представництва, судове представництво, судовий представник, прокуратор, адвокат, Статути Великого князівства Литовського, судовий процес.

S u m m a r y

Arakelyan M. R. Development of Institute of Judicial Representation in the Grand Duchy of Lithuania. — Article.

The article is devoted to the problem of becoming and development of institute of judicial representation on Ukrainian lands of the Grand Duchy of Lithuania. Plenary powers of judicial representative, his duties, are examined, requirement to the person, which held this position. The position of judicial representative in a trial is determined.

Keywords: Institute of judicial representation, judicial representation, the judicial representative, the public prosecutor, the lawyer, Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, trial.